

JEL classification: A10, A11
УДК 37(571.3) (091)
DOI 10.17150/2308-2588.2019.20(4).539-571

А.П. Суходолов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Д.Я. Майдачевский

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

И.М. КАМОВ — ЭНТУЗИАСТ И ДЕЯТЕЛЬ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКЕ*

Аннотация. Статья реконструирует малоизвестные страницы жизни и деятельности Ильи Михайловича Камова (1873–1942) — видного представителя практико-ориентированного образования г. Иркутска первой четверти XX в. В центре внимания авторов находятся «труды и дни» педагога, связанные с Иркутским промышленным училищем, а также городским коммерческим училищем и возникшим на его основе Иркутским практическим промышленно-экономическим институтом, директором которых он являлся. Перед читателем предстает колоритная фигура подлинного энтузиаста, ориентированного на практику профессионального образования. Содержание работы выходит далеко за рамки локальных исторических сюжетов, развиваемых в ней. События истории средней и высшей профессиональной школы региона рассматриваются в широком контексте эпохи «прагматического», как его называют авторы, поворота до- и послереволюционного отечественного образования — подчинения образовательной политики потребностям модернизации и конкретно — индустриализации. Уже одна только профессиональная траектория главного героя статьи отражает сквозную институциональную логику развития практико-ориентированного об-

* Окончание. Начало см.: Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20, № 1. С. 9–22 ; № 3. С. 331–365.

разования в этот период — от технического к коммерческому с последующим их объединением в рамках промышленно-экономического, с одной стороны, и от среднего специального к высшему — с другой.

Ключевые слова. И.М. Камов, практико-ориентированное образование, Иркутское промышленное училище, Иркутское коммерческое училище, Иркутский практический промышленно-экономический институт, Иркутск.

Информация о статье. Дата поступления 1 ноября 2019 г.; дата принятия к печати 31 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2019 г.

A.P. Sukhodolov

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

D.Ya. Maidachevsky

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

I.M. KAMOV — AN ENTHUSIAST AND AN EMINENT PERSONALITY OF PRACTICE-ORIENTED EDUCATION IN IRKUTSK*

Abstract. The article reconstructs some little-known pages of life and activities of Ilya M. Kamov (1873–1942), an outstanding practice-oriented educator of Irkutsk of the first quarter of the 20th century. The authors focus their attention on «the works and days» of the educator related to Irkutsk Industrial College and also to the City Commercial College and Irkutsk Economic and Industry Institute founded on its basis, the director of which he was. The article reconstructs the prominent figure of a real enthusiast of public education in Russia, oriented at the practice of professional education. The content of the article goes far beyond the scope of the local historical issues developed in it. The historical events of secondary and higher professional school of the region are considered in a broader context

---

* Ending. Start see: Economic History and History of Economics. 2019. Vol. 20, no. 1. Pp. 9–22 ; no. 3. Pp. 331–365.

of the epoch of the so called «pragmatic» turn of the pre- and post-revolutionary Russian education which consisted in adapting the educational policy for the needs of modernization and, more precisely, for those of the country's industrialization. Even the professional career of the main character of the article reflects the main institutional logic of the practice oriented education development in that period, from the technical education to the commercial one with their subsequent amalgamation into industrial and economic education, on the one hand, and from secondary professional to higher education, on the other hand.

Keywords. I.M. Kamov, practice-oriented education, Irkutsk Industrial College, Irkutsk Commercial College, Irkutsk Economic and Industry Institute, Baikal State University.

Article info. Received November 1, 2019; accepted November 31, 2019; available online December 28, 2019.

Советская школа 2-й ступени с промышленно-экономическим уклоном

Несколько нарушая задаваемую заголовком раздела статьи хронологию повествования, обратимся — исключительно с целью лучшего понимания поднимаемых в его рамках вопросов — к периоду в истории Иркутска, который ограничен с одной стороны падением советской власти в городе в середине 1918 г., а с другой — ее вторым «пришествием» в начале 1920-го. Периоду, когда поочередно сменяли друг друга власть Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства, а затем и Российского правительства А.В. Колчака. Периоду, когда Иркутскому городскому коммерческому училищу довелось предельно скромно отметить свое десятилетие (о чем свидетельствует микроскопическая заметка на страницах августовского номера газеты «Сибирь», напомнившая о юбилее и о пяти выпусках училища, которые удалось к этому времени сделать¹). Периоду,

¹ Сибирь. 1918. 21 авг.

когда руководимому И.М. Камовым педагогическому коллективу учебного заведения приходилось буквально бороться за его выживание.

Заметки на страницах местной печати говорят об «остром финансовом кризисе», в котором оказалось училище на старте 1918/19 учебного года: смета на его содержание была исчислена с дефицитом в 60 тыс. р., что ставило под угрозу само существование образовательного учреждения. Педагогический комитет во главе с И.М. Камовым и поддержавший его попечительский совет вынуждены были настойчиво ходатайствовать перед городским самоуправлением об увеличении суммы средств, выделяемых на содержание училища, не останавливаясь при этом перед увеличением размера взимаемого с местного купечества «налога на промысловые свидетельства». Одновременно ходатайство было возбуждено и перед Министерством торговли и промышленности, в ведении которого училище находилось, — о выделении субсидии на содержание преподавательского состава. При этом руководящие органы образовательного учреждения принципиально отказывались идти по пути изыскания «внутренних резервов» — в виде повышения платы за обучение — в деле покрытия бюджетного дефицита в силу материальной несостоятельности родителей большинства учеников².

Обсуждение в городской думе вопроса о путях выхода городского коммерческого училища из критического положения было, судя по дошедшим до нас свидетельствам, не только затянувшимся и бурным, но и излишне политизированным. Слишком часто со стороны эсеровского большинства думы в ответ на предложения незамедлительно прийти на помощь училищу в нелегкой для него ситуации (ассигновав 18 тыс. р. на покрытие текущих расходов) сыпались упреки в

² Сибирь. 1918. 21 авг.; Дело. 1918. 29 сент.

адрес последнего как «обслуживающего исключительно интересы торгово-промышленного класса»³.

Если не более оперативной, то прагматичной была реакция на обращение училища Министерства торговли и промышленности, представившего в Совет министров доклад, обосновывавший выделение государственных средств в качестве единственного по условиям военного времени способа поддержки действовавших на территории белой Сибири коммерческих училищ — Иркутского, Черемховского, Омского, Владивостокского, Никольск-Уссурийского и Ургинского. «В прошлом, — указывалось в докладе, — в условиях нормального времени, значительные средства на содержание коммерческих училищ отпускали городские самоуправления, купеческие об[щест]ва, биржевые комитеты и др. торгово-промышленные организации, но в настоящее время приток средств сократился, так как кассы городских самоуправлений оскудели, а торговля и промышленность находятся в состоянии расстройста»⁴.

Хотя в докладе, возможно, это особо и не оговаривалось, но выделение средств коммерческим училищам — о чем косвенно свидетельствует тот факт, что испрашивались они не просто на содержание преподавательского состава, а на повышение «норм оплаты педагогическому персоналу» — было, помимо прочего⁵,

³ Мысль. 1919. 13 марта.

⁴ Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 февр. Запрашиваемая сумма была выделена на содержание коммерческих училищ во второй половине 1918 г. (Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 авг.).

⁵ Под «прочим» мы имеем в виду, например, рассмотрение государством коммерческих училищ как «кузниц» мобилизационного ресурса. Буквально несколькими днями ранее на страницах все того же «Правительственного вестника» учебным отделом Министерства торговли и промышленности был обнародован циркуляр с перечнем льгот, предоставляемых добровольцам и мобилизуемым по призыву учащимся старших классов коммерческих училищ/торговых школ по сдаче ими выпускных/перевод-

связано со стартовавшей образовательной реформой⁶. Историки образования, изучающие реформаторские начинания на территории белой Сибири 1918–1919 гг., с полным на то основанием не только усматривают их истоки в проекте, вырабатывавшемся еще Министерством народного просвещения под руководством П.Н. Игнатьева, но и сравнивают их с реформами, протекавшими одновременно в Советской России. Каждая из сторон в гражданском противостоянии, полагают они, видела в системе образования «мягкую силу» и стремилась использовать собственную модель «новой» школы в качестве инструмента утверждения тех или иных норм общественной жизни [2, с. 274–275].

Впрочем, указанную мысль еще в самый разгар Гражданской войны со всей определенностью сформулировал видный теоретик и практик образовательных реформ, в те годы организатор и первый ректор Иркутского государственного университета Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878–1953). Он писал: «Чем яснее мы сознаем всю катастрофичность нашего государственного положения и чем сильнее загорает-

---

ных экзаменов, выставлению оценок по текущей успеваемости и получению свидетельств об окончании учебных заведений. Тем же документом педагогическим комитетам училищ предписывалось в сроки, установленные Главным штабом, организовать комиссии для досрочных выпускных испытаний (Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 янв.). Заметим: получить образовательные реформы свое продолжение, приобретенный опыт был бы, вполне возможно, востребован учебными заведениями.

⁶ Хотя едва ли не единственной новацией этого учебного года стало включение в учебные планы со второго класса изучения английского языка в качестве обязательного. Как подчеркивал товарищ министра просвещения Георгий Константинович Гинс (1887–1971), «предусмотрительность требует в настоящее время особого внимания к изучению английского языка. Поражение Германии несомненно ослабит ее до сих пор преобладающее влияние в России и, наоборот, влияние английской и американской культуры значительно усилится. Школа должна поэтому позаботиться о снабжении своих учеников знанием так еще мало распространенного в России английского языка» [1].

ся в нас жажда по восстановлению здоровой достойной свободной жизни, тем больше всякий разумный человек должен уделять внимания всей нашей системе народного образования и воспитания. Мы не склонны утверждать, что министерство народного просвещения одно только может стать министерством государственного спасения и возрождения, мы не верим в панацеи и не думаем, что судьбу народа можно решить в положительном смысле, воздействуя только на какую-нибудь одну — хотя бы и очень важную — сторону его жизни, но мы глубоко убеждены, что здесь один из самых главных и мощных рычагов нашего, как и всякого, государственного возрождения» [3].

Не останавливаясь подробно на сравнительной характеристике упомянутых выше моделей, обратим внимание лишь на те их аспекты, что касались среднего профессионального, коммерческого образования. Направленные на построение «единой школы», т.е. системы образования, единой с точки зрения преемственности ее ступеней, модели по-разному решали проблему установления соответствия ступеней коммерческой/специальной и общеобразовательной школы, а также взаимодействия первой из них со школой высшей.

Иркутское коммерческое училище (как, впрочем, и другие образовательные учреждения города и губернии) вступило на путь реформ с начала 1919/20 учебного года. Как сообщала своим читателям газета «Наше дело», учебным советам гимназий, реальных и коммерческих училищ Министерством народного просвещения было предложено произвести изменения в «таблицах уроков» и учебных планах, исходя из проектируемого выделения трех уровней (ступеней) единой общеобразовательной школы: начальной, неполной и полной средней. На первом этапе фактически предполагалось осуществить согласование учебных планов лишь школ 1-й и 2-й ступеней, исключить

из учебных планов ряд дисциплин, «усилить» преподавание русского языка и математики, упорядочить преподавание иностранных «новых» языков (оставив только один из них — английский — в качестве обязательного), сократить преподавание латинского языка в гимназиях и реальных училищах: «Цицерон и Вергилий не проходятся!»⁷

Согласование учебных планов школ 2-й и 3-й ступеней, а также решение вопросов, связанных с преподаванием специальных коммерческих дисциплин, было отложено на так и не наступившее будущее. Вопросы, заметим, сложных и трудноразрешимых, поскольку 3-я ступень общеобразовательной школы призвана была, по замыслу реформаторов, не просто венчать среднее образование, а подготовить к поступлению в школу высшую и с этой целью подразделяла дисциплины учебного плана на основные и дополнительные — классического⁸, естественно-научного и математического циклов [2, с. 281], задававшие «классический» университет и его факультеты в качестве ориентира для выпускников. Ни о каком «законченном» среднем профессиональном/специальном образовании при такой направленности реформ не могло идти и речи; не получало народное хозяйство в этом случае и специалистов, имеющих высшее коммерческое/экономическое образование, за отсутствием соответствующих факультетов в «классических» университетах.

Еще до торжественного открытия 27 октября 1918 г. Иркутского государственного университета исполняющий должность его ректора М.М. Рубинштейн, стремясь обеспечить создаваемый вуз контингентом учащихся, ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о приеме в учебное заведение в виде исключения абитуриентов из числа

⁷ Наше дело. 1919. 17 сент.

⁸ Точнее сказать — историко-филологического.

выпускников городского коммерческого училища⁹. Ходатайство это было удовлетворено при условии сдачи абитуриентами экзамена по латинскому языку в качестве вступительного, а по остальным общеобразовательным предметам, не изучавшимся или изучавшимся в училище в неполном объеме, — в течение первых двух лет пребывания в вузе¹⁰. Данная практика будет повторена и на следующий год, наглядно демонстрируя изъяны взявших старт образовательных реформ применительно к среднему профессиональному образованию. Если облегчить поступление в университет мог дополнительный год, проведенный в школе 3-й ступени, то ничто в содержании реформ не могло сделать востребованными профессиональные знания, умения и навыки, приобретенные выпускниками того же коммерческого училища в течение двух последних лет пребывания в нем.

Случай Иркутского коммерческого училища (а точнее — сразу двух училищ, поскольку Черемховское восьмиклассное коммерческое училище будет противопоставляться своему семиклассному собрату

⁹ Помимо как заинтересованностью в абитуриентах, появление ходатайства университета можно объяснить и «протестами» со стороны выпускников семиклассного коммерческого училища, по словам М.М. Рубинштейна присоединивших свой голос к окончившим семь классов или даже восьмой общеобразовательный гимназисткам и не желавшим поступать в университет вольнослушателями (правда, о том, какие формы принял этот «протест», ректор университета не упоминает) [4; 5]. Нельзя исключить и личную причастность И.М. Камова к появлению ходатайства. И речь идет не только о том, что он как директор коммерческого училища поддержал своих выпускников и от лица администрации выступил с инициативой сделать для них исключение, испросив на то разрешение министерства. Получению поддержки организатора и ректора будущего университета могла способствовать общность их политических взглядов: И.М. Камов и М.М. Рубинштейн были не просто членами Трудовой народно-социалистической партии, а входили в руководящие органы ее иркутского отделения (группы).

¹⁰ Дело. 1918. 2 окт.

как пример учебного заведения, открывшего дополнительным годом изучения общеобразовательных дисциплин двери в университет) найдет свое место в педагогических построениях М.М. Рубинштейна тех лет. Сквозной идеей его публикаций станет недопустимость, немыслимость движения высшей школы, представленной исключительно «классическим» университетом, навстречу школе средней. Прекрасно сознавая, что «у коммерческого училища имеются, кроме всего, свои специальные предметы, для изучения которых требуется время и усилия» [5], он выносил их за скобки своих рассуждений, рассматривая профессиональные училища исключительно с позиций «нормальной учебной программы» общеобразовательной школы.

Позиционируя себя в качестве сторонника широкого общего образования и противника идеи подчинения средней школы решению задач профессиональной подготовки, М.М. Рубинштейн критиковал позицию руководства Министерства народного просвещения, демонстрировавшего стремление «всецело подчинить школу тенденции обслуживания чисто практических, так сказ[ать] “продовольственных” нужд жизни» [3]¹¹. «Скрыто действующей пружиной»

¹¹ Критике М.М. Рубинштейна подверглось интервью, которое дал газете «Правительственный вестник» товарищ министра народного просвещения сибирского и «колчаковского» правительства Г.К. Гинс. В беседе, озаглавленной «Очередные задачи ведомства Просвещения», он сформулировал цели образовательной реформы как «приближение к родине и приближение к жизни». Вторая цель не сводилась лишь к учету обстоятельств военного времени, скудости бюджетных средств, хотя и не могла не учитывать этих ограничений. На взгляд Г.К. Гинса, «приближение к жизни» — синоним практико-ориентированного образования, которое в облике реального училища должно заменить классическую гимназию в качестве основного, господствующего типа школы: «Основные понятия экономической географии, сельскохозяйственной экономики и товароведения будут полезнее гимназисту, чем философская пропедевтика и космография» [1], со всеми вытекающими из этого последствиями для школы высшей — уни-

подобной позиции он считал неверно воспринятый лозунг демократизации школы. Ложно понятый демократизм, вылившийся в требование «приблизить школу к жизни» или «заставить ее держать курс на желудок», придал, на его взгляд, всей системе образования «губительное направление на народную школу и приноровление к ней, т.е. направление вниз». Смысл демократизации как жизни, так и школы виделся М.М. Рубинштейну в «расширении и укреплении духовного аристократизма» и, соответственно, в придании системе образования направления движения «вверх», тем препятствуя скатыванию в узкий технизм/практицизм и обнищанию духовной (т.е. историко-филологической) культуры [3].

В своей статье М.М. Рубинштейн неоднократно поминает большевиков и большевизм как не только исказивших идею демократизации школы, но и радикализировавших ее. Однако и опиравшаяся на идеи трудовой школы М.М. Рубинштейна [6], полагавшего, что последняя не должна быть местом получения профессионального образования, версия либеральной модели единой школы становилась не менее радикальной. Вопреки стремлению вывести школу и обсуждение проблем ее реформирования за пределы арены борьбы классовых, партийных идеологий, его радикально-либеральная модель реформирования — в плане «депрофессионализации» средней школы и построения «движущейся вверх» системы образования — невольно порождала модель радикально-социалистическую, классовое противостояние акцентировавшую.

верситета. Куда более важное место в системе образования в ходе реформ предстояло занять профессиональным учебным заведениям (не только средним, но и высшим), например педагогическим, способным «внести в школу новую живую струю», которую трудно ожидать от отставших от современности — с преобладанием в них «мертвых», с «некоторым оттенком археологии» наук — университетских факультетов [1].

После февраля 1917 г. либеральная модель реформирования школы была едва ли не единодушно поддержана как учащимися, так и учителями. Об этом свидетельствуют, например, резолюции, а также выступления участников состоявшихся в Иркутске летом того же года краевых (восточносибирских) съездов учителей средней школы и их родительских организаций (комитетов). На последнем из них со всей определенностью была сформулирована мысль о том, что «средне-учебное заведение должно иметь своею целью только общее образование, как умственное, так и физическое, не допускающее никакой утилитарности при преподавании»¹². Эти настроения масс, думается, были чутко уловлены Н.К. Крупской, увидевшей возможность подыграть им и сыграть на них. Идеолог большевистской реформы образования объявила требование профессионального обучения «совершенно недопустимым (sic! — А. С., Д. М.) для социал-демократии» в новых условиях: «Разделение школы на среднюю и профессиональную есть выражение классового характера современной школы, создающей два типа образования, одно — среднюю школу, для белой кости, другое — профессиональное, для черной кости» [7, с. 425].

Единственным защитником профессиональной школы в этих условиях оставалось Министерство торговли и промышленности, в ведении которого продолжали находиться достаточно массовые средние специальные профессиональные учебные заведения технического профиля, а также торговые школы и коммерческие училища. Это во многом воспроизводило дореволюционную ситуацию: учебный отдел упомянутого министерства действовал параллельно и относительно независимо от департамента профессионального образования, существовавшего в структуре Министерства народного просвещения. По мнению

¹² Единение (Иркутск). 1917. 7 сент.

управляющего учебным отделом С.К. Конюхова, такая ситуация шла только на пользу образованию, поскольку, во-первых, руководство профессиональными образовательными учреждениями со стороны народно-хозяйственного министерства соответствовало целевой установке последних на подготовку «работников в области развития производительных сил государства». Во-вторых, находясь в «непосредственном контакте с торгово-промышленным классом», Министерство торговли и промышленности было способно куда более оперативно, нежели просвещенческие структуры, реагировать на его запросы в отношении специальных учебных заведений. И наконец, в-третьих, сложившаяся система управления выступала зримым проявлением децентрализации в образовательной сфере, задействующей возможности «состязательности» (конкуренции). «Централизация нежелательна... потому, что слишком разнообразны запросы жизни. Удовлетворение же их возможно лишь в условиях известной свободы ведомств, обеспечивающей им проявление инициативы» [8].

Тем не менее министерство не могло остаться в стороне от образовательных реформ и вступило на их тернистый путь, стремясь поставить открывавшиеся возможности на службу развитию профессионального образования. Одним из первоочередных шагов на этом пути должно было стать упразднение низшего звена коммерческого образования — торговых школ — путем их преобразования в высшие начальные училища, призванные играть роль второго звена единой школы. Такая реорганизация была обусловлена не только острой нехваткой общеобразовательных учебных заведений этого уровня, но и крайне низкой профессиональной подготовкой выпускников: «Роль кустарей-специалистов, которые должны были выходить из торговых школ, не может быть признана достаточной для нашего времени». В структуре коммерче-

ского образования должны были появиться торговые училища, призванные не просто давать выпускникам «основательный комплект коммерческих знаний», а осуществлять «более тонкую подготовку — специализацию для непосредственной деятельности» [8].

Министерство торговли и промышленности Российского правительства А.В. Колчака (как и его предшественники) позиционировало себя в деле развития коммерческого образования продолжателем дела «до-реформенного» министерства (просуществовавшего до февраля 1917 г.), а потому на исходе своей недолгой жизни подхватило инициативу последнего по выработке нового положения о коммерческих учебных заведениях. С этой целью решено было реанимировать некогда хорошо себя зарекомендовавшую практику проведения съездов и совещаний деятелей коммерческого образования. «Было бы недопустимым в настоящее время, — говорилось в разосланном в адрес педагогических комитетов и попечительских советов коммерческих школ белой Сибири циркуляре, — продолжать политику охлаждения общественных кругов к коммерческому образованию, особенно необходимому в наши дни. Для лучшего достижения этой цели необходимо предварительно сговориться, выработать общий план действия, часть которого, безусловно, должны обслуживать школы, готовящие специалистов по коммерческому делу. Ответ на этот вопрос должен дать съезд деятелей по коммерческому образованию»¹³.

Участие в работе съезда (провести который предполагалось в августе 1919 г.) должен был принять и представлявший Иркутское городское коммерческое училище И.М. Камов. Поездка, однако, не состоялась в силу как объективных, так и субъективных причин. Объясняя свою неявку на так и не состоявшийся съезд учебному отделу министерства, Камов сошлется на отсутствие

¹³ Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 дек.

свободного проезда в Омск, начавшиеся мобилизацию персонала и реквизицию помещений училища (вскоре в них вселится эвакуированное из Омска то самое Министерство торговли и промышленности [9, с. 45]). «Долгом совести» сочтет он необходимость высказать мнение о том, что «в момент великой смуты... производить какие-либо широкие реформы в области коммерческого образования... считал бы несвоевременным»¹⁴.

23 октября 1919 г. на имя министра торговли и промышленности уйдет телеграмма И.М. Камова (другого способа связи со столицей белой Сибири уже не было). Сославшись на тяжелые условия службы, связанные с решением обострившихся административно-педагогических и материальных проблем вверенного ему образовательного учреждения, и пошатнувшееся здоровье, он будет ходатайствовать «об увольнении в отставку»¹⁵. Однако отнюдь не министр, который вскоре окажется без портфеля, а коммерческое практико-ориентированное образование отпустит Камова далеко не сразу, заставит второй раз войти в одну и ту же реку, окунуться в пучину куда более радикальных реформ — теперь уже большевистских.

К моменту утверждения советской власти в Иркутске и губернии в начале 1920 г. реформы системы образования, предпринятые большевиками, уже набрали свои обороты на территориях, не затронутых Гражданской войной. В новую советскую реальность предстояло вписаться и иркутским образовательным учреждениям, а реальность эта не сулила ничего хорошего именно средним специальным учебным заведениям, и коммерческому училищу в том числе.

Радикализм на первом этапе реформ выразился, помимо прочего, и в том, что реформаторы предпоч-

¹⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 209 (Иркутское городское коммерческое училище). Оп. 1. Д. 113. Л. 110, 110об.

¹⁵ Там же. Л. 114.

ли не решать упомянутую выше проблему соотношения общеобразовательной и специальной подготовки учащихся в средних профессиональных учебных заведениях, а попросту оставить ее в прошлом, фактически упразднив начальные и средние специальные (технические, сельскохозяйственные, торговые/коммерческие) училища, преобразованные в единую трудовую школу. Как достаточно самокритично отмечали позднее некоторые из реформаторов, «всецело отдавшись идее создания единой трудовой школы, Н[ародный] К[омиссариат] П[росвещения] (заметим, в полном соответствии с вышеупомянутыми взглядами Н.К. Крупской и новой программой партии большевиков. — А. С., Д. М.) категорическим образом отвергал всякую мысль о возможности получения какого-либо специального образования ранее окончания обеих ступеней единой трудовой школы, т.е. ранее достижения 17–18-летнего возраста» [10, с. 8].

Вот и Иркутское городское коммерческое училище было преобразовано в 3-ю Советскую школу 2-й ступени, заведующим которой был утвержден И.М. Камов (пребывавший в этой должности с мая 1920 г. по май 1921 г.¹⁶). Впрочем, есть все основания предполагать, что школа эта (не сменившая места своей «прописки» — помещений бывшего коммерческого училища) стояла особняком в ряду городских школ 2-й ступени. Совсем неслучайно первый (датированный 1 апреля 1920 г.) номер органа Иркутского отдела народного образования — журнала «Пролетарская культура», наряду с публикацией примерной схемы проведения в жизнь принципов единой школы, особо подробно остановился на путях реформирования именно профессионального образования.

Средние профессиональные учебные заведения, включая коммерческие училища, получили возмож-

¹⁶ ГАИО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

ность стать учебными заведениями «повышенного типа над 2-й ступенью трудовой школы в [тех] случаях, когда это вызвано потребностями данного района и когда оборудование этих учебных заведений по своему количеству и качеству удовлетворяет условиям такого преобразования»¹⁷. Им предоставлялось право работать по учебным планам и программам, разработанным педагогическими комитетами учебных заведений, после их утверждения отделом реформы профессионального образования Наркомпроса.

Не будет ошибкой предположить также, что стремившийся не допустить разрушения десятилетиями создававшейся системы профессионального образования учебный отдел Народного комиссариата торговли и промышленности вбросил в публичное пространство идею о том, что лучшие профессиональные школы, выгодно отличаясь от дореволюционных «схоластических» средних учебных заведений, способны облегчить строительство новой трудовой политехнической школы. Возглавлявшая в 1917–1919 гг. эту структуру Ольга Григорьевна Аникст (1887–1952) писала по горячим следам событий: «Приветствуя принцип идеи политехнического образования Единой школы вообще, Народный комиссариат торговли и промышленности, однако, констатировал, что требуется еще долгий промежуток времени, пока Единая школа даст действительно практических для текущей жизни страны работников, и что окончившим Единую школу придется лишь впоследствии избрать какую-нибудь определенную специальность и усовершенствоваться в ней в соответствующих "надступенных" учебных заведениях, к строительству которых необходимо было бы немедленно приступить» [11, с. 21]¹⁸.

¹⁷ Известия ВЦИК. 1918. 30 окт. (цит. по: Пролетарская культура (Иркутск). 1920. 1 апр. (№ 1). С. 38).

¹⁸ Этот доклад, перепечатанный в сборнике статей и докладов автора, посвященных профессионально-техническому обра-

Фундаментом для такого строительства должны были, по мнению ведомства, послужить старые (теперь уже в кавычках) «коммерческие» учебные заведения, которые с пользой для дела и с экономией затрат следовало использовать для создания средних и высших специальных/профессиональных учебных заведений. Наркомат торговли и промышленности достаточно энергично взялся за дело возрождения коммерческого образования под новым и не вызывающим классовых ассоциаций «брендом» образования промышленно-экономического, резонно рассматривая его частью и способом подъема народного хозяйства страны. В достаточно короткий срок в европейской части страны преимущественно на технической и учебно-методической базе бывших коммерческих училищ открыли свои двери не только трудовые школы 2-й ступени повышенного типа (школы с промышленно-экономическим уклоном, промышленно-экономические школы), но и промышленно-экономические техникумы и промышленно-экономические институты¹⁹ уже как учебные заведения профессионального образования.

Иркутский промышленно-экономический практический институт

Обратим внимание на принципиальный, на наш взгляд, момент. Историки образования, думается, не всегда оправданно утверждают, что «в первые годы советской власти техникумы рассматривались как тип высшей школы с более узкой специализацией. Задачей техникума считалась подготовка инженера-практика, то есть инженера, обладающего знаниями, не-

зованию, впервые увидел свет на страницах «Вестника Народного комиссариата торговли и промышленности» (1919. № 13–14).

¹⁹ Наиболее известным их примером стал Московский промышленно-экономический практический институт, история которого положила начало многим крупным столичным экономическим вузам [12, с. 17–25; 13].

обходимыми в практической деятельности. Только к 1923 г. техникумы были твердо отнесены к средним специальным учебным заведениям» [14, с. 464]. Одной этой фразой из истории образования вычеркивается пускай и крайне короткий, но от этого не менее интересный его период, а в категорию техникумов попадает и растворяется в ней новый тип высшей школы — практический институт, заслуживающий самостоятельного внимания и изучения.

Справедливости ради отметим разнообразие возникавших образовательных структур, что серьезно затрудняет их идентификацию, и присутствие в названии учебного заведения слов «практический институт» отнюдь не необходимое и достаточное основание для причисления его к новому типу высшей школы. В качестве примера и для сравнения достаточно указать на одновременно появившиеся в Иркутске практический педагогический²⁰ и промышленно-экономический институты. Стартовые их условия были несопоставимы. Если первый должен был разворачивать свою деятельность на основе учительской семинарии (преобразованной после установления советской власти в губернские трехгодичные педагогические курсы), то второй — на базе куда более основательной — бывшего коммерческого училища. Поэтому один институт был рожден только на бумаге, открывшись в 1921 г., как того и следовало ожидать, в виде педагогического техникума, второй же появился на свет, хотя и не смог встать на ноги, но уже по совсем иным причинам.

Рискнем настаивать на том, что девятилетняя средняя общеобразовательная школа, а тем более повышенного типа с промышленно-экономическим уклоном, нередко именовавшаяся «надступенным образовательным учреждением», не просто открыла выпускникам двери высшей школы. Не менее важен и тот факт, что

²⁰ Власть труда. 1921. 30 авг.

она создала предпосылки для движения ей навстречу школы высшей. Движения навстречу уже давно испытываемой образовательной практикой потребности в большей близости вузовского образования к требованиям профессиональной подготовки с одновременным сокращением срока обучения в высшей школе до трех лет. Окно возможностей откроется на крайне непродолжительный срок и, пожалуй, в самый неблагоприятный в экономическом отношении период. Уже в 1921 г. начнется переход от девяти- к семилетнему среднему образованию. Два старших класса школ 2-й ступени будут реорганизованы в техникумы: приблизившись к практике, школа будет оторвана от вуза. В области промышленно-экономического образования действительно, как и утверждают историки образования, наступит пора промышленно-экономических техникумов, а не институтов²¹.

Наш интерес не столько к короткой жизни Иркутского промышленно-экономического практического института, сколько к проекту его создания обусловлен в первую очередь личностью «архитектора» — главного героя нашего повествования Ильи Михайловича Камова. Впрочем, рядом с ним следует поставить фигуру еще одного энтузиаста не только практико-ориентированного²², но и промышленно-экономического

²¹ Рассматривая вузовскую сеть Сибири за первые три года ее существования (1920–1923), деятели образования тех лет выделяли в ее короткой советской «истории» ровно три периода: первый — «стихийного роста» вузов (1920), второй — «построения сети по продуманному плану» (1921) и третий — реальной сети, «выдержавшей тяжелое испытание 1922 года» [15, с. 63]. Отметим, что создание практических институтов, пришедшееся на 1921 г., стало сознательным, продуманным шагом на данном этапе реформ.

²² Можно предположить, что и Иркутский практический педагогический институт стал мертворожденным детищем Д.К. Чудинова, результатом стремления реформировать не просто педагогическое образование в городе, но собственную альма-матер. Посещение в период работы в Иркутске учебного заведения, откуда в 1914 г. он был отчислен за участие в «беспорядках», произвело на него тягостное впечатление. В своих воспоминаниях он напи-

образования тех лет²³ — Дмитрия Константиновича Чудинова (1894–1937). В свою бытность заведующим Иркутским губернским комиссариатом (отделом) народного образования (1920) он, по его собственному признанию, приложил немалые усилия для того, чтобы направить деятельность университета на решение задач экономического и культурного развития края, регулярно наталкиваясь при этом на молчаливое сопротивление старой профессуры, зараженной вирусом «академизма». «Разногласия наши с профессурой исходили из принципиального подхода к задачам высшего учебного заведения» [16, с. 28].

Решение проблемы пришло на посту заведующего уже Сибирским отделом народного образования (октябрь 1920–1924 гг.), где Д.К. Чудинов прослыл «иркутофилом» [16, с. 35] за приписываемое ему лоббирование интересов Иркутска и его образования, прежде всего высшего, в ущерб другим городам — Томску, Ом-

---

сал: «Впечатление от преподавателей техникума у меня осталось довольно странное: мне почему-то показалось, что вот жизнь шла вперед, меняла свои формы, на горизонте даже иркутской действительности прошло очень много грозных явлений, совершенно перевернувших эту жизнь и давших ей другое направление, а вот в Знаменском предместье в стенах педагогического техникума остался маленький островок, в лице педагогического коллектива, не поддавшегося сокрушительному влиянию времени. Передо мной были те же лица, несколько состарившиеся, но, так мне показалось, почти окаменевшие в своих воззрениях» [16, с. 30].

²³ В начале 1924 г. Д.К. Чудинов был назначен на должность заведующего отделом общего и среднего образования Наркомпроса РСФСР. Возглавив отдел среднего и низшего образования Главпрофобра, он провел Первую Всероссийскую конференцию по промышленно-экономическому образованию (20–24 июля 1925 г.), на которой сделал заглавный доклад «Состояние и задачи социально-экономического образования» (Отчет Первой Всероссийской конференции по промышленно-экономическому (коммерческому) образованию. Москва : Всерос. ком. содействия пром.-экон. образованию и ЦК совторгслужащих, 1925. С. 22–27). В декабре 1929 г. Чудинов стал первым ректором Сибирского института народного хозяйства (г. Новосибирск), оставаясь в этой должности по ноябрь 1930 г.

ску или новому центру Сибири — Ново-Николаевску. Как бы то ни было, вскоре после его визита в Иркутск и выступления перед ответственными работниками и участниками уездной партконференции с докладом «Вопросы высшей школы», в котором он решительно отмежевался от «рутины старых методов высшей школьной политики» в деле открытия новых вузов и факультетов, и последовало решение возглавляемого им ведомства о создании в городе первого в Сибири экономического вуза. «[Г]уманитарный факультет, где старые профессора читают о всяком "праве", есть, есть и историко-филологический факультет, но нет высшего образования, которое было бы рассчитано на поднятие народного хозяйства и обслуживание нужд населения»²⁴.

Делу «секуляризации» университетов как устранившихся от требований жизни «монастырей чистой науки» должна была служить, таким образом, ликвидация их монополии на высшее образование, тем более в отраслях знания, которые никогда не были вотчиной университетов, развивались вузами, находившимися в ведении Министерства финансов или торговли и промышленности, а также негосударственной высшей коммерческой школой. В народно-хозяйственные высшие учебные заведения, не дожидаясь создания «пролетарского профессорского кадра», должны были привлекаться — как это широко делалось прежде техническими и коммерческими учебными заведениями — «не зараженные академическими традициями» преподаватели-практики, что позволило бы давать студентам не просто актуальное, но прикладное знание. С одним только, но немаловажным уточнением: требовался кадр, искренне принявший участие в новом государственном строительстве, обладавший «меньшим хотя бы объемом знаний, но с

²⁴ Вопросы высшей школы // Власть труда. 1921. 24 мая.

соответствующей периоду глубоких преобразований теоретической подготовкой» [11, с. 20].

«Архитектура» нового учебного заведения — и здесь уже на первый план выходит фигура Ильи Михайловича Камова, утвержденного ректором промышленно-экономического института, — рождалась буквально на ходу: вуз должен был открыть свои двери к началу 1921/22 учебного года. Сначала в местной печати промелькнула информация об организации и предстоящем открытии в городе сразу двух экономических учебных заведений — промышленно-экономического техникума с четырехлетним курсом преподавания и политико-экономического (?) института с двухгодичным сроком обучения в нем, никак не связываемых автором заметки друг с другом²⁵. Ситуация стала более определенной три недели спустя, когда на страницах «Власти труда» появилась уже небольшая статья И.М. Камова «К открытию промышленно-экономического института в Иркутске», в которой контуры будущего учебного заведения обрели более четкие очертания²⁶.

Полный курс учебного заведения был рассчитан на пять лет с учетом того, что на первый курс принимались лица, имевшие неполное среднее образование (два класса школы 2-й ступени или уже вступавшую в свои права семилетнюю трудовую школу). Специальная/профессиональная подготовка начиналась со второго курса и продолжалась в течение трех лет, по окончании которой выпускникам присваивалась квалификация промышленно-экономического инженера (если же обучение завершалось вторым годом

²⁵ Власть труда. 1921. 26 июня.

²⁶ Мы приписываем авторство этой анонимной газетной публикации И.М. Камову, поскольку она практически полностью и дословно войдет в уже подписанную его именем и опубликованную на страницах той же газеты статью «Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири», речь о которой будет идти ниже.

специальной подготовки, выпускник получал звание промышленно-экономического техника²⁷). Пятый год обучения был рассчитан на желавших стать преподавателями экономических дисциплин в старших классах трудовой школы, техникумах, в том числе и промышленно-экономических.

В структуре вуза со всей определенностью И.М. Камовым выделялось лишь одно — педагогическое — отделение (факультет). Отсутствие информации об остальных может быть либо отнесено на счет «училищного» прошлого будущего института (среднее специальное коммерческое образование не знало ни профессиональной специализации, ни факультетской структуры), либо связано с набором в первый год только на первые три его курса. Реклама информировала, однако, только о нацеленности учебного заведения на подготовку будущих бухгалтеров, статистиков, администраторов, «продовольственников», кооператоров, финансистов и товароведов. Не приходится сомневаться, что приближение выпускного для вуза четвертого курса заставило бы организаторов задуматься о специализации выпускников и ограничиться более узким набором направлений их подготовки²⁸.

Набор лишь 80 учащихся и на два (а не три, как планировалось) курса института²⁹ заставил не только продолжить уже после начала занятий приемную кампанию, но и выступить в печати с более подробным рассказом о новых и непривычных для обывателя типе учебного заведения и направлении обучения в

²⁷ Власть труда. 1921. 13 авг.

²⁸ Формировало свой социальный заказ и государство. Состоявшееся в ноябре 1921 г. в Ново-Николаевске сибирское совещание наробразов объявило (в лице Комитета профессионально-технического образования (Сибпрофобра)) «ударным» направлением промышленно-экономического образования подготовку работников кооперации и продовольствия (Советская Сибирь. 1921. 27 нояб.).

²⁹ Власть труда. 1921. 16 сент.

нем — промышленно-экономическом. Речь идет о статье И.М. Камова «Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири», занявшей без малого два подвала на страницах губернской «Власти труда» [17].

Источником вдохновения для автора послужила уже упоминавшаяся выше статья-доклад О.Г. Аникст «Промышленно-экономическое образование», обильно им цитируемая и местами пересказываемая. Эта часть публикации знакомила читателя главным образом с послереволюционным становлением промышленно-экономического образования в Европейской России, призванного заместить ставшее достоянием прошлого образование коммерческое. Получив к 1921 г. достаточно широкое распространение в европейской части страны, промышленно-экономические учебные заведения остались практически неизвестны Сибири, констатирует И.М. Камов, что не только вступает в противоречие с решением задач восстановительного периода, но и становится преградой на пути ее последующего развития, явно не соответствуя «большому экономическому будущему» мегарегиона. «Пора положить конец полному игнорированию жизненных интересов богатейшей окраины и дать ей собственных квалифицированных работников, которые могли бы поднять на должную высоту экономическую мощь многообещающей страны» [там же].

Особо подчеркивает И.М. Камов тот факт, что открытие в Иркутске экономического вуза — это не возврат в «коммерческое» прошлое экономического образования в Сибири, поскольку происходит оно в условиях рождения «новой формы экономической жизни страны». Перед иркутским институтом была поставлена ответственная задача подготовки не только квалифицированных счетоводов, бухгалтеров, статистиков и т.д., но и будущих преподавателей этих специальных дисциплин «для нужд сибирских учебных заведений промышленно-экономического типа»,

способных не допустить отставания профессионального образования «от общего хода развития экономической и политической жизни страны» [17]. Именно с него, по замыслу создателей, должно было начаться строительство сети промышленно-экономических школ разного уровня в регионе.

Привлечем внимание и к еще одной идее И.М. Камова как истинного энтузиаста практико-ориентированного образования, нашедшей развернутую характеристику в статье. Идее, в которой обнаруживает себя уже преемственность «нового» промышленно-экономического и «старого» коммерческого образования. «Наследство» последнего состояло прежде всего в акцентировании внимания на практических занятиях по специальным дисциплинам и на материальном обеспечении их проведения. Институту предстояло поставить дело формирования, как бы сказали сегодня, навыков компетенций на небывалую высоту: «Базируясь на основе общего образования, промышленно-экономический институт выдвигает на первый план *лабораторные и практические занятия*, для чего имеют быть применены новейшие *лабораторные и студийные методы преподавания*» (курсив И.М. Камова. — А. С., Д. М.) [там же].

Как учебное заведение, дающее законченное среднее и высшее специальное — экономическое — образование, институт, по словам И.М. Камова, наделяя своих учащихся «строго проверенными научными знаниями», ставил, тем не менее, «главной своей целью на научной основе дать в условиях нового времени *практические знания и навыки*, без коих специалист в промышленно-экономической области оказался бы совершенно непригодным» (курсив И.М. Камова. — А. С., Д. М.). Решающую роль в деле достижения поставленной цели призваны были сыграть развитая материально-техническая и учебно-лабораторная база вуза, а также квалифицированные преподавательские

его силы, вербуемые «из местной научно-практическо-профессиональной среды» [17].

Один лишь перечень запланированных к организации (в дополнение к полученным в наследство от коммерческого училища) кабинетов и лабораторий — геолого-минералогического, счетоведения, статистики, сибиреведения, холодильного дела, трех химических, ряда технологических и т.д. — ставил институт в один ряд с университетом и его медицинским факультетом, а также с незадолго до этого обретшим статус практического политехнического института Иркутским политехникумом. Особняком в перечне предполагаемых к созданию учебно-лабораторных подразделений И.М. Камов упоминает торговый (нередко называемый и товарным) музей. И потому, что «первые шаги к его созданию» уже были сделаны, и потому, что на него возлагались задачи «не только учебные, но и практические, как [на] учреждение, характеризующее сырьевые ресурсы Восточной Сибири и ее промышленность» [там же].

Для нас же упоминание торгового музея — едва ли не единственная возможность³⁰, освещающая короткую историю Иркутского промышленно-экономического практического института, указать на фактические (а не планируемые) его действия и свершения. Более того, указать хотя бы на одно из упоминаемых И.М. Камовым в статье государственных учреждений, пришедших институту на помощь в деле становления

³⁰ Некогда существовавший в Государственном архиве Иркутской области фонд Иркутского практического промышленно-экономического института (Ф. 2228) был, по всей видимости, расформирован и слит с фондом Иркутского политехнического практического института (Р-261) с почти неизбежной в этом случае утратой для исследователей части документальных материалов (несмотря на то что название фонда на обложках дел хронологически и разводит последние: 1) Иркутский политехнический (?) промышленно-экономический институт (с июля по ноябрь 1921 г.); 2) Иркутский практический политехнический институт (с ноября 1921 по август 1923 г.)).

образовательного процесса или развития учебно-лабораторной базы; назвать, по крайней мере, одного представителя «научно-практическо-профессиональной среды», стоявшего рядом с И.М. Камовым у истоков высшего экономического образования в регионе.

Такой организацией стало созданное сразу после утверждения в Иркутске в 1920 г. советской власти Иркутское губернское статистическое бюро, в следующем году в ответ на острую потребность формировавшихся государственных структур в статистиках перешедшее от участия в периодически организуемых курсах по обучению учетным навыкам «лиц неквалифицированного труда»³¹ к подготовке профессиональных кадров. Заведующий секцией экономической статистики бюро Александр Владимирович Черных (1894 — ?)³² станет одним из деятельных соратников Камова, преподавателем института и создателем торгового музея при нем. Именно из-под его пера вышла подготовленная в достаточно сжатые сроки работа «Экономическое значение торговых музеев» [18], которую предполагалось использовать как в учебном процессе, так и для достижения тех практических целей, которые ставились перед этим вузовским подразделением.

На обложке хранящегося в фондах Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского экземпляра брошюры имеется дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Ананию Анисимовичу Пескину, ректору Иркутского Политехнического Института, на

³¹ Курсы статистиков // Власть труда. 1921. 31 мая.

³² О А.В. Черных, к сожалению, мало что известно, хотя за годы работы в Иркутске он опубликовал немало статей, посвященных проблемам местного хозяйства, статистики региона и его внешнеэкономических связей. Возглавлял созданную в 1925 г. экономическую секцию ВСОРГО, состоял доцентом факультета права и местного хозяйства Иркутского университета. Покинув Иркутск, очевидно, в 1928 г., А.В. Черных работал доцентом Сибирского института народного хозяйства в Новосибирске.

память от автора. 24/VII — 1922 г.», что представляется весьма символичным. На момент выхода издания в свет промышленно-экономический институт уже прекратит свое существование, будучи реорганизован сначала в промышленно-экономическое отделение Иркутского политехнического практического института (Ирполприна), а затем и в Иркутский промышленно-экономический техникум, также, впрочем, просуществовавший лишь до 1924 г.

У И.М. Камова в трудовой книжке указанные пертурбации отразятся лишь одной записью: с 14 февраля по 1 марта 1922 г. он занимал должность декана промышленно-экономического отделения Ирполприна³³. Занимал ровно вплоть до того момента, когда до Иркутска дойдет распоряжение Главпрофобра о реорганизации промышленно-экономического института в техникум, делавшее очевидным скорое расформирование экономического отделения и в политехническом институте³⁴. В известном смысле И.М. Камов последует за своими студентами второго (специального) курса, которые будут переведены на экономическое отделение факультета общественных наук Иркутского университета. Однако он уже не свяжет свои занятия с административно-организационной деятельностью, предпочтя полностью отдаться тому, с чего начал четверть века назад и чем заниматься не переставал никогда — преподаванием русского языка и словесности. Новым местом службы станет рабочий факультет университета, где И.М. Камов до последнего дня пребывания в Иркутске будет заведовать кабинетом родного языка³⁵.

³³ ГАИО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-1об.

³⁴ Там же. Ф. Р-261. Оп. ОЦ. Д. 6. Л. 4, 4об, 23, 23об.

³⁵ Весь Иркутск : адрес.-справ.-телефон. кн. на 1924 г. Иркутск : Иркут. отд. Дальне-Вост. конторы объявлений «Двигатель» при газ. «Экономическая жизнь», орган СТО, 1924. С. 73.

Список использованной литературы

1. Гинс Г.К. Очердные задачи ведомства Просвещения (беседа с товарищем Министра проф. Г.К. Гинсом) / Г.К. Гинс ; беседовал Я. // Правительственный вестник (Омск). — 1918. — 26 дек.
2. Кальсина А.А. Позиции Наркомата просвещения РСФСР и Министерства народного просвещения правительства А.В. Колчака в области школьной политики в период Гражданской войны / А.А. Кальсина // Вопросы образования. — 2009. — № 2. — С. 269–287.
3. Рубинштейн М.М. Демократизация школы и ее смысл / М.М. Рубинштейн // Наше дело. — 1919. — 8 февр.
4. Рубинштейн М.М. Университет и средняя школа / М.М. Рубинштейн // Дело. — 1918. — 3 сент.
5. Рубинштейн М.М. Университет и средняя школа / М.М. Рубинштейн // Дело. — 1918. — 5 сент.
6. Рубинштейн М.М. Основы трудовой школы : докл., чит. на конференции учителей в 1920 г. в Иркутске / М.М. Рубинштейн. — Иркутск : Гос. изд-во, Иркут. отд., 1920. — 84 с.
7. Крупская Н.К. Из брошюры «Материалы по пересмотру партийной программы» (1917) / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения : в 10 т. / под ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, Н.А. Константинова. — Москва, 1957. — Т. 1 : Автобиографические статьи. Дореволюционные работы. — С. 424–426.
8. Конюхов С.К. Техническое и профессиональное образование (беседа с управляющим Учебным отделом Министерства торговли и промышленности [С.К. Конюховым]) / С.К. Конюхов ; беседовал П. Мих-ов // Правительственный вестник (Омск). — 1918. — 17 дек.
9. Гаращенко Л.В. Иркутское городское коммерческое училище / Л.В. Гаращенко // Земля Иркутская. — 2013. — № 1. — С. 44–51.
10. Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг. : юбил. сб. / под ред. О.Г. Аникст. — Москва : Гос. изд-во, 1922. — 100 с.
11. Аникст О.Г. Промышленно-экономическое образование : докл., представл. Наркомторгпрома на 1-м Всерос. съезде по внешкол. образованию / О.Г. Аникст // Профессиональное образование в России : ст. и докл. — Москва, 1920. — С. 17–23.
12. Финансовый университет: прошлое, настоящее, будущее : учеб. пособие / под ред. М.А. Эскиндарова. — Москва : Финансовый ун-т, 2011. — 213 с.

13. Костриков С.П. Происхождение управленческого образования и история государственного университета управления: к 95-летию первого управленческого вуза страны / С.П. Костриков // Вестник Университета (Государственный университет управления). — 2014. — № 18. — С. 8–58.

14. Балашов Е.М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы / Е.М. Балашов // Расписание перемен : очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) / [отв. ред. А.Н. Дмитриев]. — Москва : Новое лит. обозрение, 2012. — С. 435–493.

15. Самодаров И. Высшее образование в Сибири (очерк по материалам 1-го Сибирского ректорского совещания) / И. Самодаров // Жизнь Сибири. — 1923. — № 1. — С. 54–71.

16. Чудинов Д.К. Из недавнего прошлого / Д.К. Чудинов // Просвещение Сибири. — 1927. — № 10. — С. 25–38.

17. Камов И.М. Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири / И.М. Камов // Власть труда. — 1921. — 16 окт.

18. Черных А.В. Экономическое значение торговых музеев / А.В. Черных. — Иркутск, 1922. — 14 с.

References

1. Gins G.K. Immediate tasks of the Ministry of Education. *Pravitel'stvennyi vestnik (Omsk)*, 1918, December 26. (In Russian).

2. Kalsina A.A. Positions of the People's Commissariat of Education of the RSFSR and the Ministry of Public Education of the Government of A.V. Kolchak in the field of school policy during the Civil War. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*, 2009, no. 2, pp. 269–287. (In Russian).

3. Rubinshtein M.M. School democratization and its meaning. *Nashe delo*, 1919, February 8. (In Russian).

4. Rubinshtein M.M. University and middle school. *Delo*, 1918, September 3. (In Russian).

5. Rubinshtein M.M. University and middle school. *Delo*, 1918, September 5. (In Russian).

6. Rubinshtein M.M. *Osnovy trudovoi shkoly* [Labor School basics]. Irkutsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1920. 84 p.

7. Krupskaya N.K. From the brochure «Materials on the revision of the party program» (1917). In Goncharov N.K., Kairov I.A., Konstantinov N.A. (ed.). *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical works]. Moscow, 1957, vol. 1, pp. 424–426. (In Russian).

8. Konyukhov S.K. Technical and vocational education. *Pravitel'stvennyi vestnik (Omsk)*, 1918, December 17. (In Russian).
9. Garashchenko L.V. Irkutsk College of Commerce. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land*, 2013, no. 1 (43), pp. 44–51. (In Russian).
10. Anikst O.G. *Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v Rossii za 1917–1921 gg.* [Vocational and technical education in Russia in 1917–1921]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 100 p.
11. Anikst O.G. Industrial and economic education. *Professional'noe obrazovanie v Rossii* [Industrial and economic education]. Moscow, 1920, pp. 17–23. (In Russian).
12. Eskindarov M.A. (ed.). *Finansovyi universitet: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Financial University: the Past, the Present and the Future]. Moscow, Financial University Publ., 2011. 184 p.
13. Kostrikov S.P. The Origin of Management Education and History, State University of Management. The 95th Anniversary of the First Management Institute of the Country. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) = University Bulletin (State University of Management)*, 2014, no. 18, pp. 8–58. (In Russian).
14. Balashov E.M. Policy in the field of school, vocational and secondary specialized education, 1917–1941. In Dmitriev A.N. (ed.). *Raspisanie peremen: ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [Schedule of changes: essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – the USSR (late 1880s – 1930s)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 435–493. (In Russian).
15. Samodarov I. Higher education in Siberia (essay on the materials of the 1st Siberian Rector's Meeting). *Zhizn' Sibiri = Life of Siberia*, 1923, no. 1, pp. 54–71. (In Russian).
16. Chudinov D.K. From the recent past. *Prosveshchenie Sibiri = Enlightenment of Siberia*, 1927, no. 10, pp. 25–38. (In Russian).
17. Kamov I.M. Higher industrial and commercial education in Siberia. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1921, October 16. (In Russian).
18. Chernykh A.V. *Ekonomicheskoe znachenie torgovykh muzeev* [The economic importance of shopping museums]. Irkutsk, 1922. 14 p.

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, проректор по науке, Байкальский госу-

дарственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: science@bgu.ru.

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Authors

Alexander P. Sukhodolov — D.Sc. in Economics, Professor, Prorector of Research, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: science@bgu.ru.

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department International Relations and Customs, Baikal State University, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: history@bgu.ru.

Для цитирования

Суходолов А.П. И.М. Камов — энтузиаст и деятель практико-ориентированного образования в Иркутске / А.П. Суходолов, Д.Я. Майдачевский. — DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(4)539-571 // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 4. — С. 539–571.

For Citation

Sukhodolov A.P., Maidachevsky D.Ya. I.M. Kamov — an Enthusiast and an Eminent Personality of Practice-Oriented Education in Irkutsk. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 539–571. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).539-571. (In Russian).